

IN MEMORIAM

Наталья ЯКОВЛЕВА

КАК БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Эти люди, во многом, определяли дух и дело Госфильмофонда. И вот, одного за другим мы их потеряли—Владимира Юрьевича Дмитриева и Валерия Ивановича Босенко. Мы делали одно дело, говорили на одном языке, а теперь—пустота...

Мы побывали у Владимира Юрьевича дней за семь до *конца*. Он все спрашивал и расспрашивал о Госфильмофонде, даже сердился, если мы переводили разговор на что-то другое. Мы вышли, и я, недоумевая, сказала коллеге: «Странно, что ему больше ничего не интересно...» Но вот теперь, кажется, поняла. Госфильмофонд был для Дмитриева его «вишневым садом»...

В мире кино многие годы его имя было вроде пароля. Сначала—как человека, который может дать посмотреть то, что было недоступно советским людям. «Дмитриев обещал! Дмитриев показал!»,—передавали друг другу режиссеры, киноведы и прочие примкнувшие к ним любители кино.

А когда все оказалось доступно, вожделенным стало попасть на фестиваль архивного кино «Белые Столбы». И снова среди киношников слышалось: «Дмитриев обещал! Дмитриев показал!...»

Владимир Юрьевич оказался в Госфильмофонде в странное время. Тогда быть любителем западного кино означало своего рода манию.

Каждый день он смотрел поступавшие в ГФФ фильмы. После просмотра настукивал на пишущей машинке на картонную карточку аннотации и свои впечатления («Оптима» была рядом с ним всю жизнь и даже в последние годы стояла рядом с компьютером). Из этих карточек Дмит-

риев постепенно складывал собственную историю мирового киноискусства. Эта—увы, не записанная!—история кинематографа «по Дмитриеву» была уникальной. Он щедро делился ею с режиссерами, приезжавшими на просмотры, и с молодыми сотрудниками, пришедшими работать в Госфильмофонд.

Почти 30 лет вместе с несколькими другими сотрудниками Владимир Юрьевич ездил в пригородных электричках в Белые Столбы—к своим фильмам, и обратно—в Москву. Обычно, чтобы не заснуть (утром—потому, что не высыпались, а вечером—от усталости), играли «в дурака». Болтали, смеялись. Но часто кто-то из «молодняка» жаловался, что сегодня читает лекцию, а тему знает плохо (многие в те годы «подрабатывали» во Всесоюзном бюро пропаганды киноискусства). Дмитриев сходу подхватывался и выдавал не только факты и аргументы на нужную тему, но находил место этому явлению в мировом кинопроцессе—надо было только мотать на ус, и лекция готова!

Да, время было странное. Подвизался в ГФФ один сотрудник (а, может, не один), который регулярно докладывал о Дмитриеве «куда следует». А следовало—в Особый отдел Горкома КПСС. В Госфильмофонд время от времени наезжал некий тип, уполномоченный следить за идеологической непорочностью. Но каждый раз уезжал довольный: что-то эдакое ему показывали в просмотровом зале...

В молодости Владимир Юрьевич любил театр. С будущей женой, которую обожал всю жизнь, познакомился в студенческом театре МГУ, где она играла. В школьные годы он тоже «поиграл в театр»—исполнил роль Идолища Поганого, о чем с иронией и гордостью потом любил рассказывать. Самоирония у него была «интеллигентская», когда вроде бы ирония, но не совсем... Дмитриев театр не разлюбил, особенно близка ему была Таганка, а Леонид Филатов—один из ее главных актеров—стал на всю жизнь другом.

Дмитриев часто говорил: «Я мечтаю сняться в цилиндре». И Сокуров снял его в цилиндре в своем фильме «Скорбное бесчувствие». Позже, на какой-то из юбилеев мы подарили ему настоящий цилиндр.

Менялись времена, менялись директора Госфильмофонда. А Дмитриев неизменно при всех был таким «серым кардиналом», но только в одной сфере—в пополнении и хранении фонда фильмов: за время своей работы он смог почти удвоить коллекцию, и многие руководители мировых киноархивов стали его личными друзьями. Директором он стать не мог: ему была неинтересна хозяйственная деятельность, был на нее неспособен, не очень понимал финансовые дела, хотя собственные денежки берег, их всегда было мало—бюджетники!.. Но мороженым своих любимых сотрудников угощал даже в самые тяжелые времена. А когда зарплата стала более-менее приличной, то проявлял щедрость: на праздники устраивал «развороты» (раньше на «разворотах» с удовольствием пел).

Большинство работников Госфильмофонда на вопрос о Дмитриеве могут рассказать, как он изо дня в день, приезжая в Фонд, неизменно по утрам обходил цех за цехом, расспрашивая, как дела. Обладая превосходной памятью, знал о семьях сотрудников, о личных проблемах. И очень часто помогал. Всем, чем только мог. В ответ ему приносили домашние огурчики, варенье, цветы из сада. Букеты он всегда отвозил жене.

Иногда на него обижались. Он так ревниво относился к коллекции, что ощущал ее почти своей собственностью. Мог по-детски «вредничать», что-то не давать. Но, «повредничав», почти всегда уступал, если понимал, что человеку это действительно нужно для работы, а, главное, что этот человек, как и он, любит кино. Это было чуть ли не главным критерием...

***

...Валера обожал всякие киношные отсылки.

А еще он любил сопрягать эпизоды своей жизни с воспоминаниями о каком-нибудь заметном кинособытии или кинематографисте. Мы иронизировали над этой, как нам казалось, слабостью («как я не встретился с Феллини...»).

Но вот Валеры не стало. Мы распечатали оставшиеся в его компьютере тексты, всё, что под руку попало: эссе о Хуциеве (как он пел на фестивале «Белые Столбы»), размышления о монтажном кино в связи с фильмом «Большие каникулы 30-х» Ивана Твердовского, «Склад и клад»—очерк об архиве и архивных находках, «А поют-то Окуджаву», «Мы любим тебя, Отар!», мемуарные записки «...в те времена, когда “Ленфильм” еще существовал», полемическая заметка «Вынужденная эмиграция “Тихого Дона”» и т.д. и т.п.

Да, в этих материалах есть и Бродский, встреченный в ленфильмовском кафе, и дом Окуджавы, и Иоселиани, выходящий из электрички в Белых Столбах, и даже мимолетная встреча с Феллини... И вот все это вместе вдруг обернулось жизнью—валериной жизнью, ее смыслом и радостью.

Он ведь жил один, без семьи. Лишь в последние годы перевез из Аст-рахани маму, выполнив свой долг. Конечно, друзей у Валеры было немало: в Москве, Малаховке, в Питере—периодически он исчезал из дома. Потом появилась собака—ирландский сеттер, названная в честь героини Анны Маньяни Пиной, и он оставил ее на мое попечение во время своих «загулов». Я почти сорок лет была валериной соседкой по дому.

Самое первое воспоминание о нем—заставленная книжными шкафами и стеллажами комната (впоследствии—комнаты, холл, кухня) и Валера, где-то в уголке притулившийся за столиком с пишущей машинкой (впоследствии—за компьютером).

Второе воспоминание—Валера, кое-как одетый, с тяжелой сумкой на плече, набитой книгами, бежит со станции, в любую погоду. В скудные на книги советские времена он всегда ухитрялся «доставать» то, что хочет (вступил в Общество книголюбов, обхаживал продавщиц книжных магазинов в Домодедово и т.д.). Мало того что себе добывал недоступные издания, еще и нас ими снабжал (правда, на одну нужную книгу приходилось покупать 2–3 «нагрузки»—идеологическую макулатуру «застойных» времен). Тратя почти всю зарплату на книги, как он мог одеваться? Да

кое-как! И абсолютно не придавал этому значения. Как был обставлен его дом? Да никак. Только полки, полки, шкафы и шкафы—для книг. Мы иногда ворчали, приставали: купи новые ботинки, купи пиджак... Когда Валера переехал в новый дом, построенный Госфильмофондом, я высмеивала его допотопные светильники, которые он перевез с прежней квартиры. Наконец, Валера позвонил в возбуждении и пригласил немедленно зайти к нему. Я поднялась. Гордый Босенко показал на потолок: там висела новая люстра. Провел в комнату—там такая же, в кухне—еще такая!..

На самом деле, он просто не замечал многого, что для других—суть и смысл. Оставшуюся от старшей госфильмофондовской коллеги Ирины Янушевской «кузнецовскую» посуду задвинул куда-то в ящик и забыл. Иногда одалживал деньги людям, не особо надеясь на возврат. Я кипятилась, а он: «Да ладно...» Зато любая небрежность, неточность по отношению к предмету его любви (Цветаева, Феллини, Пазолини) вызывала в нем такой взрыв негодования! И немедленную реакцию—усоветить автора, исправить ошибку, восстановить истину.

Валера почти постоянно был во что-то или в кого-то влюблен. Почти всегда—без взаимности. Это была любовь-восхищение, любование, эстетическое наслаждение. И ею он бывал счастлив. Поразительное умение—делать себя счастливым!